на исповедь друга адекватна: тревога, утешение, ответное признание, а главное — понимание.[14] Переписка М. Муравьева с сестрой Ф. Н Муравьевой и другом В. В. Ханыковым — это прежде всего интимный разговор «сродственных душ», наслаждающихся «рассматриванием друг друга»,[15] «история сердца»,[16] «отчет» в чувствованиях, делах и помышлениях.

В эпистолярном «романе» Карамзина и Петрова «роли» распределены иначе. Традиционную для переписки и столь естественную для Карамзина тему «мрачного состояния» Петров развивает в неожиданном ракурсе. Он отвечает пространным рассуждением о «скуке» и «*противоскучиях*», «*противоядиях*» ей: «Работа, ученье, плоды праздных и веселых часов какого-нибудь немца, собственная фантазия, добрый приятель...» (С. 499) Письмо Петрова Карамзину от 5 мая 1785 г. — классический пример воображаемого «разговора с отсутствующим». Адресат обретает в этом диалоге свое (пусть и предполагаемое) слово. Он возражает, он защищает себя: «Это все очень хорошо, — скажешь ты, — но когда скука овладеет мною, то я не могу приняться за работу; ученье нейдет в голову и самый Шакеспер меня не прельщает, собственная фантазия заводит меня только в пустые степи или дремучие леса, а доброго приятеля взять негде. — На это отвечаю.. » (С 499—500), — парирует Петров. Тема «скуки и монашествующей меланхолии» (С. 499) в переписке Карамзина с Петровым не имела и не могла иметь продолжения.

Столь же решительно и последовательно отвергнута Петровым и другая традиционная для переписки второй половины XVIII в. тема — тема дружбы. Не дошедшее до нас письмо Карамзина от 9 мая 1785 г. (об этом можно судить по ответному — от 20 мая 1785 г.) ориентировано на ту модель письма, которая сложилась под воздействием культа сентиментальной дружбы. Сердечные излияния, обожание друга, восхищение его достоинствами, словом, все, над чем так безжалостно иронизирует Петров: «Я никогда не сомневался, что ты меня высоко почитаешь и горячо любишь ⟨...⟩ Великие и обработанные мои дарования в рассуждении первого, а любви достойные и приятные свойства в рассуждении другого, служат мне надежными поруками. О тебе ж никогда я не думал, чтоб ты не мог отдавать справедливости и приписывать истинную цену достоинствам таких великих людей, как я» (С. 501). Ответно-

---

[14] Ср письмо А А Петрова Н М Карамзину от 5 мая 1785 г « совсем не понимаю, как можешь ты почитать свое состояние столь мрачным, каким ты его описываешь» (С 499)

[15] О симпатии, из сочинений г Виланда // Утренний свет 1778 Ч II С 12 Муравьев дословно повторяет эту фразу в письме 1778 г к сестре, Ф Н Муравьевой

[16] Надпись на обороте письма Ханыкова от 28 февраля 1779 г Цит по *Кулакова Л И* Поэзия М Н Муравьева // Муравьев М Н Стихотворения С 29